

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Ну, держись! (сценарий для встречи)

... Ритм движения автобуса меняется, и я просыпаюсь после трёх часов на удивление спокойного сна. «Силикоид не выказывал человеческих эмоций — верный признак того, что ему хватало настоящих переживаний» (с) Лукьяненко, «Линия Грѐз». Ладно, каменюки-силикоиды остались на планетах Основы, а мы явно «причаливаем» — здоровенный автобус как пароход притирается к обочине, водила открывает двери и народ двигается к выходу. Спрыгиваю с подножки, отхожу в сторону. За время пути так и не разогрело, солнце светит, но на лужах — корочка льда, кое-где уже взломанная торопливыми подошвами. Я странно спокоен — впрямь под силикоида закосить решил? Впрочем, знаю я, до каких пор продлится моё спокойствие — пока не выползу из-под земли на твоей станции. Хотя нет, мысль о теле-фоне уже вызывает шевеление — пока в голове, но и сердце что-то подѐргивается в другом ритме. Вхожу в метро, покупаю десяток жетонов обоих видов — зелено-прозрачных и малень-ких коричневых, подхожу к телефону. Номер я помню, но на всякий случай проверяю по книжке — я даже не знаю голоса, так что вся надежда на МГТС... Наконец трубка на той сто-роне поднимается. Голос женский (уже хорошо). Молодой (или кажется? ладно, семь бед — один hang-off). Спрашиваю тебя — «Это я» «А это я». День и время оговорены — но всё равно какая-то неуверенность — да меня ли тут ждут и ждут ли вообще? Но прорезавшиеся в голосе радость и теплота «Макс?!» прибавляют неуверенность на корню. Быстренько договариваем-ся, где встречаемся, не слышно почти ничего (за что только деньги берут, сволочи), но по-нятно и так — возле метро. Не помню, как на твоей станции (да и был ли я там вообще?) но ориентиры заданы, значит найду. Напоследок ты говоришь «а у меня сюрприз» и кладѐшь трубку. Перехожу в «московский режим» и на границе потоков народа (так быстрее, а что толкаются — не стеклянный) проношусь на станцию, заталкиваюсь в двери. Вид у меня при этом тот ещё — на губах блуждающая улыбка, а сияю — хоть свет гаси. Ну и фиг с ним, пусть косятся. Ехать порядочно, и мысли всё бегают по кругу, что же это за сюрприз, паранои-дальный мозг всё норовит завернуть на всякие пакости и опасности, хотя по тону этого вовсе не ощущалось. Заранее зная, что ничего не придумаю, а если и придумаю — то не угадаю, тем не менее от догадок маловероятных перепрыгиваю к совсем невероятным и далее к тем, что вообще ни в какие ворота не лезут...

Та-а-ак, вот теперь силикоид испарился окончательно. Сердце лупит так, что аж под курткой, кажется, видно. Пытаюсь правильным дыханием хоть немного его приструнить, но — плевал организм на все старания — я поднимаюсь из-под земли, расстояние между нами из-меряется сотнями метров... А может, и меньше — и я уже сканирую глазами всех девушек, де-вочек и, кажется, даже бабушек чуть выше среднего роста... Так, выход, уже где-то рядом... Пытаюсь «нутром учуять», но как всегда в подобных случаях, нутро молчит, как рыба об лёд... Так, пальто и шляпа! Сердце дѐргается уж совсем некультурно, но под шляпой чѐрные волосы... Смеюсь про себя (на лице и без того совершенно дебильная улыбка, и я уже бросил её сгонять — возвращается как голодный весенний комар), а голова по-прежнему напоминает хороший такой корабельный локатор, только что вокруг оси не поворачивается. Так, опять шляпа, волосы... глаза... да ну? Глаза меняют выражение и улыбка... чѐрт, неужели у меня такая же? Ну и фиг с ней! Я едва не прыгаю вперѐд, но лишь напротив укорачиваю шаг, па-ранойя моя напоследок ещё взбрыкивает — «может, и не она вовсе...» Ага, не она, как же... =;) Твои глаза

тоже косятся на значок, напряжённо пытаются прочитать то ли имя, то ли адрес, а точнее — таки убедиться... Да я это, я, кому тут ещё с тульским фидошным значком бродить! Останавливаемся в полуметре, миг замешательства, неизбежный и даже чем-то приятный... если его не тянуть... Язык прилип начисто, вернее, он пытается вытолкнуть какую-то глу-пость... Перебьётся... Мысль даже не мелькает — она вроде как давно уже живёт — протягиваю руку, как когда-то (как давно, кажется вообще год назад) описывал и касаюсь твоего плеча, веду ниже, мимо (ну, не совсем и мимо =;-) округлой выпуклости, к поясу. Ты тоже вспо-минаешь то письмо, и я не успеваю довести руку, рука сама по талии перемещается за спину — потому что полметра между нами куда-то пропали... Понятно, конечно, куда — в два син-хронных полушага, мы сталкиваемся и неожиданно (хотя почему неожиданно? =;-) сильно прижимаемся друг к другу. Смотрю в твои глаза, я их не видел, но столько раз представлял, что даже кажется — они изменились. Они-то, понятно, не менялись, я их представлял непра-вильно... Впрочем, настоящие оказались даже лучше — не хватило мне нахальства предста-вить их такими светящимися... Ты чуть заметно приоткрываешь губы, я это вижу и знаю, что это значит, но странное торможение вновь придавливает меня... Надо же, я думал, давно от этого избавился... Приходится чуть ли не рывкнуть на себя, я тянусь навстречу, и первый по-целуй выходит немного неловким. Однако мы тут же исправляем эту оплошность. Прохожие ещё не выстроились полукругом, глядеть представление? Маленько не успели, но уже косят-ся. Мы разлепляемся, я пытаюсь взять тебя под руку, но ты берёшь мою ладонь, пальцы сплетаются и мы сжимаем ладони друг друга, словно собрались спорить за звание чемпионов армрестлинга. Ты тянешь в сторону метро, я мимолётно удивляюсь, но ты хитро смотришь искоса и произносишь «а теперь — сюрприз! Я квартиру нашла. На все выходные». Мне хо-чется поднять тебя на руки, но мы уже вливаемся вместе с толпой в узкие двери и остано-виться здесь просто не получится — внесут или вовсе затопчут. Но это и неважно, ещё успеем — теперь я знаю это точно, и немного шизею от этого знания.

Едем почти молча — очень хочется что-то сказать, но слова куда-то разбрелись, по уг-лам... Мда, кто-то хвастался болтливостью... Оба и хвастались... Два сапога — пара? Тогда я просто помолчу — помолчу рядом с тобой. С тобой можно молчать? Вроде получается — ты замолкаешь, перестаёшь объяснять, чья это квартира и почему нам так повезло... Молчим, наглаживая пальцами ладони друг друга, сердце лупит так, что даже дыхание прерывается... Народу в вагоне порядочно, и мы прижимаемся вплотную, не удивляя никого. Хотя нет, вон какая-то малолетка на нас смотрит. Зачем-то ей улыбаюсь — она сердито отворачивается. Ну вот, человека обидел — может, у неё облом свежий, а мы тут... Но не можем мы, мы эту встречу ждали, небось, дольше, чем весь этот полудетский облом длился... Со всей предше-ствующей любовью...

Ты стоишь чуть боком, мои губы почти касаются твоей щеки. Зачем это «почти»? Я чуть подаюсь вперёд и даже не целую, а просто касаюсь тебя губами. Ты делаешь кошачье движение, кажется, даже муркаешь, но за грохотом в тоннеле этого не слышно...

... Мы входим в лифт. Ну, это место самое классическое, и мы оба это знаем. Ты наша-риваешь рукой нужную кнопку, а лицо уже повёрнуто ко мне. Наконец двери лязгают и мы прижимаемся друг к другу. Под тусклой лампочкой твои глаза отсвечивают зелёным колдов-ским огнём, но разглядеть я их не успеваю — ты проводишь языком по губам и закрываешь глаза. Я смотрю на твоё лицо — я же его толком не видел ещё! Ты чуть приоткрываешь губы, ты ждёшь — и я тянусь к тебе, беру твои губы своими, мои руки

поднимаются выше по твоей спине, ты откидываешься на них, и я держу тебя, чувствуя упругий изгиб тела сквозь одежду. Ты прижимаешься бёдрами, ногами, руки твои обнимают меня, а губы наши продолжают то ли борьбу, то ли танец, не в силах прерваться даже на миг, чтобы схватить воздуха. Сердце упрямо лезет к горлу, меня трясёт, и я чувствую, как точно так же вздрагиваешь ты...

Лифт замедляется, мы с трудом отрываемся друг от друга. Твои глаза совершенно шальные, грудь вздымается, непослушные руки не сразу открывают замок. На пороге я пы-таюсь ещё раз тебя поцеловать, но ты, осторожно уворачиваясь, шепчешь «подожди». Я за-крываю дверь, с трудом переводя дух. Да, если бы эти этажи я бы пробежал, или даже пронёс тебя на руках, я бы отдувался менее паровозисто... Хотя нет, если на руках — то было бы одно плюс второе. Ты снимаешь пальто, чуть приподнимаешься, вешая его. Тут уж я удержаться не могу, я обнимаю тебя сзади, ладонями снизу охватывая грудь. Ты почти сердито (и поче-му-то опять шёпотом) говоришь «ну подожди же», но тело твоё думает иначе, выгибаясь под моими ладонями. Я целую тебя в шею, ещё и ещё, ты забрасываешь руки назад, пытаешься об-нять меня за талию, но натыкаешься на сумку, до сих пор висящую на плече. Поневоле при-ходится прерваться, я снимаю куртку, разубаюсь, немного остывая. Да, ожидание в несколь-ко месяцев — коварная штука, нельзя так набрасываться, испортим всё нафиг... Мысль об этом изрядно отрезвляет, я уже почти спокоен, настраиваюсь на то, чтобы сегодня ограни-читься объятиями и поцелуями... Хотя это я гоню, не ограничимся, ещё как не ограничимся! Мы сидим за столом, грызём алексинский пряник. Долго думал, брать или нет, какой-то квасный патриотизм получается, но он вкусный, и вроде как знак внимания... И повод по-сидеть за столом, чтобы не спугнуть друг друга излишней торопливостью. В лифте и на по-роге мы уже немного побезумствовали, почувствовали друг друга, реакции, темперамент... Ты и правда сладкая — но не как сахарный сироп, а другой сладостью, чуть острой, но именно чуть. Ты вроде бы не целуешь, а позволяешь себя целовать, но при всём этом получается, что ещё неясно кто ведущий. Это непривычно, ново и очень интересно. После бури первых ми-нут мы сидим подозрительно тихо, лишь слегка касаясь бедрами и коленями. Но дышим по-прежнему неровно, и пряник не спасает. Я кошусь на тебя и вижу, как ты точно так же ко-сишься, косишься-косишься и вдруг улыбаешься, прижимаешься плечом и трёшься щекой. На этот раз я отчётливо слышу твоё «Мур-р-р». Я поворачиваюсь, берусь рукой за твоё пле-чо, обнимаю и целую, уже не так, как в лифте, а короткими нежными поцелуями. Ты прижи-маешься ближе, я чувствую твою грудь, на ней уже нет пальто, лишь тонкая кофта — «водо-лазка», обтягивающая и подчёркивающая фигуру. Рука моя словно сама собой соскальзывает с плеча, я глажу твою грудь и шею, а ты запрокидываешь голову. Поцелуи становятся силь-нее, дыхание у обоих вырывается с шумом, нежность уступает место страсти, ты ерошишь мои волосы, я от губ перемещаюсь к щеке, ушку, шее, целую плечо и ключицу, пофиг, что они прикрыты ворсистой тканью. Руки мои скользят ниже, после плеч и груди талия твоя кажется совсем тонкой и так восхитительно двигается под ладонями, когда ты вдруг вытяги-ваешь руки вверх, чтобы через секунду они обвилились вокруг моей шеи. Мы снова прижима-емся, плотно, как только возможно, до невозможности дышать. От твоей шеи пахнет духами, тонко, чуть заметно — я даже не чувствовал раньше, пока не уткнулся носом. Хитрая, наду-шилась именно так — чтобы не «на расстоянии пленять», а вот так, вплотную. То, что это бы-ло сделано лишь для одного человека — того, кто вот так вот прижмётся целовать, кружит го-лову ещё сильнее, хотя куда уж, кажется, сильнее... Я что-то шепчу, знаю,

что чушь, и ты шепчешь такую же чушь, слова не важны, слова будут потом, когда-нибудь, а сейчас нам хо-рошо и без них — высшая точка, единство не телесное и не духовное даже, а какое-то надмир-ное, нечеловеческое. И мы длим и длим это мгновение, другим мгновениям, тоже прекрас-ным, но другим, найдётся время позже. Они не пройдут мимо, а это миг слишком короток, слишком сюрреалистичен, чтобы пренебречь им даже ради того, что будет позже — скоро уже будет, от тебя уже ощущается аромат желаяния, не носом, носом этого не почуют, это какая-то мистика, то ли загадочные ферромомоны, то ли вовсе набившая оскомину в шаманстве теле-магов биоэнергетика... Сейчас она не кажется мне нелепой выдумкой, «охмурёжем для наро-да», я просто чувствую это, и мне плевать, что там с умным видом заливает очередной по-следователь йогов или наоборот Кашпировского...

Как-то незаметно закончился этот долгий миг чего-то непонятного, странного слия-ния. Сожаления о нём нет, он был и остался с нами, и теперь уже останется надолго. Я тяну тебя вверх, мы поднимаемся и, не сговариваясь, перемещаемся в комнату. Ты идёшь впер-еди, и по дороге (дороги-то пять метров, но всё же) я глажу тебя по плечам, провожу ладоня-ми вдоль рук и по волосам... В комнате ты перехватываешь инициативу, толкаешь меня в сторону дивана в углу. Я было тяну тебя за собой, но ты уворачиваешься, отнимаешь руки и идёшь к музыкальному центру в противоположном углу.

Я не люблю что-то занудное, мне сейчас кажется, что лучше подходит нечто побыстрее, отвечающее нашей страсти...

Я смотрю на тебя, и ты знаешь, что я смотрю, и знаешь, как я смотрю, и идёшь как-то особенно, не каким-то там «модельным шагом», нет шаг твой обычный, но сознание того, что я откровенно люблюсь тобой, накладывает какой-то отпечаток. И водолазка, и юбка на тебе чёрные, и под чёрной, короткой без нарочитости юбкой ноги в белых чулках просто спят, на них невозможно смотреть, но и не смотреть тоже невозможно. Я первый раз вижу тебя вот так, и пытаюсь впитать, запомнить, запечатлеть эти десять коротких шагов...

Как я люблю эти моменты, это сводит меня с ума! Мне хочется что ты запомнил меня, запомнил навсегда, хочется свести тебя с ума, как сошла я.

Ты включаешь что-то, несколько секунд переключаешь тембра, отыскивая самое вкусное сочетание. Я не выдерживаю, вскакиваю и как-то мгновенно (ну не прыгнул же на пять метров? но как шёл — не помню) оказываюсь рядом, хватаю за талию, прижимаю к себе. Правая рука идёт вверх, между грудей к шее, а под левой ощутимо дрожит бедро под совсем уж призрачной, почти несуществующей прослойкой чулка. Ты откидываешь голову мне на плечо, я целую ухо, щеку, подбираюсь наконец к губам, и тут ты разворачиваешься прямо в моих руках, прижимаешься животом, грудью, бедрами. Не прерывая поцелуев, мы как бы танцуем, а руки словно сами по себе гладят всё, до чего могут дотянуться. Я задыхаюсь, едва успеваю вдохнуть, на миг оторвав губы, сердце опять готовится выскочить, и сквозь стран-ный туман в глазах я вижу, что с тобой происходит то же самое. Потеряв терпение, ты тя-нешь мою футболку из-за пояса джинсов, я не отстаю, и первые ставшие ненужными тряпки летят на пол.

Как хочется почувствовать тебя всего. Как же мешается одежда! Такое ощущение, что нет сил больше ее снимать и чувствовать, хочется просто ее содрать с тебя.

В миг, когда твой живот соприкасается с моим, я почти в голос рычу, целую тебя в шею, грудь, ямочку между ключиц, трясущимися руками нащупывая застёжку на спине. На-конец застёжка сдаётся, мои губы перемещаются ниже, в ложбинку между твоих полушарий, я беру

их в руки, упругие и горячие, целую задорно торчащие соски. У тебя вырывается вы-дох-стон, руки твои прижимают мою голову, я то целую губами, то касаюсь языком, а мои руки уже под юбкой, я держу тебя за бёдра, пальцами охватывая ягодицы.

О, твои руки, я так долго ждала этого, кажется, что уже много лет длилось это ожидание, желание становится нестерпимым, в сознание пульсирует только одна мысль: Я ХОЧУ ТЕБЯ, ХОЧУ! БЕРИ, БЕРИ МЕНЯ ПОЛНОСТЬЮ!!! Я издаю громкий стон.

Я пытаюсь что-то шептать, хотя ничего не выходит, кроме захлёбывающейся скоро-говорки, но, похоже, именно это и нужно. Ты тоже что-то шепчешь, постанывая, я поднимаю тебя и, шатаясь, несу к дивану.

Мы едва не падаем, я снова ставлю тебя на ноги, а сам опускаюсь на колени, целую по пути грудь, ложбинку, живот... За задёрнутыми шторами полутьма, и в полутьме на фоне за-горелого тела груди твои светят маячками. Я прижимаюсь к ним лицом, носом зарываюсь в ложбинку между ними. Руки мои никак не могут справиться с застёжкой твоей юбки, и ты помогаешь, мы растёгиваем её в четыре руки и, чуть не разорвав, сдираем прочь. Теперь я могу целовать твои бёдра, трогать пальцами краешек трусиков, прихватывать губами ноги над чулками. Ты приседаешь, опускаешься ко мне, я снова ловлю губами твои губы, и мы опять же в четыре руки сражаемся уже с моим ремнём и застёжками. Ты, словно промах-нувшись, скользишь рукой ниже, там, где джинсовая ткань вздувается бугром, другой рукой растёгивая молнию. Я глажу твои груди, приподнимаю их ладонями, прижав твою спину к краю дивана, потом руки мои скользят вниз, забираясь под резинку. Ты стонешь, выпрямля-ешь ноги, откидываясь спиной на диван, и я стягиваю трусики с твоих ног. Ой, не порвать, жалко же будет — мелькает единственная трезвая мысль. Трусики влажным комком, летят в угол, и я отчаянно брыкаюсь, сбрасывая джинсы, потому что руки мои заняты твоими чулками. Скатывая их, я провожу ладонями по твоим ногам — какие они восхитительные, длин-ные, округло-стройные, загорелые, с едва заметным золотистым пушком. Я целую твои колени, поднимаюсь выше по нежной коже внутренней стороны, пока не добираюсь до недлинных волосков там, где ноги кончаются. Касаюсь там языком, прихва-тываю губами, ты стонешь уже в полный голос и извиваешься под моими ладонями. Я не очень люблю этот вид ласк, но ради такого стога, ради упругого напряжения твоих бёдер, ради твоих ладоней на моих плечах готов это делать, кажется, бесконечно... Однако ты дума-ешь иначе, твои руки из ласкающих превращаются в требовательные, ты тянешь меня за плечи выше, а сама вновь сползаешь с дивана на ковёр. Удивительно — ты почти моего роста, но я накрываю тебя всю, вновь целую грудь, шею, лицо, плечи, а ты гладишь руками мою шею, грудь, то притягивая к себе, то отпуская, несколько раз проводишь руками по бёдрам, и вдруг резко зацепляешь большими пальцами последнюю резинку и тянешь вниз. Я придви-гаюсь ближе, чтобы ты могла стащить плавки через колени, и как раз в этот момент мой член вырывается из плена, но ненадолго — ты ловишь его губами. Меня словно дёргает током, я сжимаю твои плечи, сгибаюсь пополам, стараясь дотянуться и поцеловать хотя бы твою ма-кушку. Ты бросаешь на полпути так и не снятые плавки, одной рукой обнимая меня за та-лию, а другой помогая губам. Я едва сдерживаюсь, чтобы не заорать диким Кинг-конговским криком, но вместо этого ещё сильнее сдавливаю твои плечи. Ты вздрагиваешь — ох я идиоти-на, тебе же больно! В смущении я отодвигаюсь, бормочу что-то покаянным тоном, но ты лишь коротко скидываешь на меня глаза и энергично мотаешь головой, не в силах говорить. Однако мне надоедает кайфовать в одностороннем порядке (хотя я и вижу, что тебе это тоже более чем

нравится), я немного переступаю коленями по ковру, чтобы дотянуться рукой, и вот уже мои пальцы осторожно гладят влажную ложбинку. Ты начинаешь громко стонать низким грудным голосом, я чувствую, как плечи твои покрываются мурашками, ты дрожишь — и я тоже дрожу, нас обоих трясёт. Ты отпускаешь руки, запрокидываешься на спину, выги-баешься дугой, так, что груди торчат вверх как степные курганы со столбиками-сосками на вершине. Я падаю на тебя, в последний момент упираясь ладонями в пол, я хватаю эти стол-бики уже не губами, а всем ртом, пытаюсь втянуть их как можно глубже, я лижу их языком, целую вокруг и между грудей. Ты сильно охватываешь меня руками за талию, подаёшься на-встречу, первое касание, мы на миг отдёргиваемся, но тут же снова устремляемся навстречу и я вхожу в тебя, в горячую и влажную глубину. Ты кричишь и хохочешь одновременно, ка-жется, я тоже ору, просто нечленораздельно вою, входя в тебя снова и снова. Мы пытаемся целоваться, не попадаем и просто облизываем друг друга, совершенно зверея, забывая всё и всех, начиная с себя. В последний момент я запоздало соображаю, что не спросил ни слова о контрацептивах, мои же резинки остались где-то на дне сумки. Я ещё успеваю выскочить из тебя наружу, но сдержаться уже не могу, это всё равно что удерживать руками рвущуюся гранату, и первые капли летят тебе на грудь и на живот. Ты сморщиваешь лицо, стонешь уже жалобно, но руками тянешь меня ближе, приоткрываешь рот и вновь охватываешь губами головку. Я разворачиваюсь, с такого направления языком не получается, и я губами нащупы-ваю нужный бугорок в твоей ложбинке. Ты дрожишь, слегка сдавливаешь ногами мою голо-ву, а язык твой снова и снова проходит вокруг головки, то нежными касаниями, то корот-кими толчками. Я продолжаю целовать и нежно прикусывать губами твой бугорок, пытаюсь угадать как тебе больше нравится. Кажется получается, ты дрожишь сильнее, снова срыва-ешься на крик, изгибаешься так, что даже приподнимаешься с пола вместе со мной, я охва-тываю твои ноги и мы сотрясаемся вместе, никак не в состоянии остановиться...

Я первый прихожу в себя, приподнимаюсь, укладываюсь рядом, пристраиваю твою голову себе на грудь. Ты ещё изредка вздрагиваешь, всхлипываешь, прижимаясь ко мне всем горячим и слегка потным телом. Я дышу и никак не могу надышаться восхитительным запа-хом вспотевшей в оргазме милой, любимой, родной женщины, целую твои губы, щёки, лоб, глаза... Привкус у тебя чуть солёный — что это, слёзы, пот? А, неважно, кажется, у меня тоже мокро на глазах... Ух, ну и ничего себе... Я пытаюсь отдышаться несколькими глубокими выдохами — не выходит, да и зачем? Я обнимаю тебя, мы прижимаемся теснее, «Сладкая» — шепчу я. «ох, Макс... я плыву, всё кружится...» голос твой прерывается, ты утыкаешься мне в шею, часто и горячо дыша...

Сначала ты жмёшься всё теснее, я пытаюсь укрыть и согреть тебя руками, но месяц на улице далеко не май, и лежать голышом, хоть и на толстом ковре, ну никак не жарко. Я откидываюсь назад, глажу тебя по волосам, рассматриваю твои черты, знакомые и незнако-мые одновременно. Ты тоже откидываешься, перекатывая голову по моей руке, тянешься, но из-за холода недолго. «Ой, я почти заснула... Так хорошо было, вообще всё перед глазами расплылось, как проваливаюсь, тепло и мягко, обволакивающе так... Поднимаемся?» Мы встаём, направляемся в ванну — и мыться, и греться. Я опять пропускаю тебя вперёд, и пожи-раю глазами плечи, руки, спину, там, где её не скрывают волосы. Два совершенно разных удовольствия — смотреть на тебя через туман страсти и вот так вот разглядывать. Не взялся бы выбирать — но выбирать и не надо, можно совмещать. Жаль

только, мало — вот и ванна, ты открываешь воду и собираешь волосы, чтобы не мочить. Глаза мои просто прилипают к тебе, твоим поднятым рукам, плечам, груди... Хочется прикоснуться, погладить — что я, разумеет-ся, делаю, глажу твои руки, бока от талии до поднятых локтей, ты замираешь, словно при-слушиваясь к ощущениям, слегка поворачиваешься, скользнув упругим полушарием по моей ладони. Я снова тянусь к тебе, ещё не имея сил, но уже имея желание...

Ты наконец кое-как собираешь волосы, щёлкаешь заколкой и переступаешь через край ванны. Я смотрю не отрываясь, даже как-то неловко так вот пялиться, но ты не имеешь против, даже нарочно то потянешься, то проведёшь рукой по бедру, хитро улыбаясь при этом.

— Давай я тебя помою говорю я

— Давай. Только и я тебя тоже

Мы намыливаем две маленькие губки и начинаем ими гладить друг друга. Однако губками как-то неинтересно, я сначала подключаю вторую руку, а потом и вовсе бросаю губ-ку, глажу тебя ладонями. По намыленной коже руки идут до странности легко, зато каждая выпуклость чувствуется особенно отчётливо. Ритм твоего дыхания меняется, да и моего, собственно, тоже. И не только дыхания — руки твои без малейшего смущения (впрочем, разве я смущался?) теребят и гладят моего повисшего дружка и он снова надувается, словно от гордости. Та меняешь движения, теперь твоя ладонь охватывает его кольцом и скользит вдоль, всё быстрее. Я тяну тебя к себе, пытаюсь вновь забраться внутрь, но ты прекращаешь движения, мягко отстраняешься «погоди, так будет неинтересно. Я сейчас, я тебя позову» Быстро смываешь мыло, заворачиваешься в полотенце и исчезаешь за дверь. Я так же ли-хорадочно домываюсь, привожу всё в порядок (квартира как-никак чужая) и выглядываю в коридор. Ты чем-то шуршишь в другой комнате, и я решаю слегка одеться — всё-таки непри-вычно голышом бегать. Ставлю кассету, которую привёз с собой, делаю звук еле слышным и сижу, жду тебя.

Я сижу на диване, постепенно успокаиваясь. Несколько раз ловлю на своей физионо-мии улыбку пошире, чем у Чеширского Кота, но сгоняю её — какая-то она неуместная. Хотя улыбаться хочется, вообще состояние ничем не омрачённого кайфа... и предвкушения кайфа нового...

Ты пытаешься появиться незаметно, я не вижу двери, но движение воздуха тебя вы-даёт. Широким шагом ты выходишь на середину. На тебе короткий халатик из блестящего переливающегося материала, при ходьбе полы его взвиваются, открывая длинные стройные ноги. Хотя я вроде бы уже видел тебя всю, сейчас я смотрю словно впервые — эти линии, эти цвета... но художник во мне — лишь глюк, от созерцания линий, форм и цветов я мгновенно переключаюсь на созерцание тебя — молодой прекрасной женщины, халатик даже не пытается скрывать фигуру, роскошные чуть волнистые волосы свободно летят за тобой, а ноги... а руки... Глаза мои разбегаются окончательно, ты делаешь ещё несколько шагов и несколько-ми движениями пальцев переключаешь кассету. Запускается что-то тяжёлое, с коротким не-ровным ритмом, и под этот ритм ты медленно поворачиваешься, раскинув руки, взмахива-ешь волосами, тянешься, изгибаясь под халатиком. Я порываюсь вскочить, но сижу, пони-мая, что получится не то, не так... Я никогда не видел такого танца, и увижу ли когда-нибудь...

Так же, не прерывая движений, ты словно случайно задеваешь пояс халата, и он раз-матывается, на миг я успеваю увидеть твоё тело, перехваченное тёмной полоской, но ты

по-ворачиваешься спиной, поднимаешь руки, так, что под краем поднявшегося халатика твои ноги видны во всю длину... Я всё-таки поднимаюсь, но остаюсь пока на месте. Ты поворачиваешься, всё так же не опуская рук, теперь я уже вижу тебя всю, лицо, шею, грудь под кружевом непривычного синего цвета, ровный живот, синие трусики, чуть расставленные ноги... Я тяну к тебе руки, ты тоже протягиваешь руки, делаешь шаг, я бросаюсь навстречу, охватываю ладонями твою талию, прижимаю к себе, быстро целую несколько раз. Но нам обоим хочется не свирепой страсти — страсти мы уже получили, теперь хочется более спокойного обладания друг другом, чтобы распробовать и ощутить все тонкости и вкусы. Поэтому я вновь отпускаю тебя, попутно помогая сбросить халатик, и мы как бы танцуем на расстоянии, лишь ладонями касаясь друг друга...

Когда полуобъятия, поглаживания руками и быстрые поцелуи надоедают, ты садишься на диван. Я поначалу пристраиваюсь рядом, но... ты разогрелась, зарумянилась, грудь твоя поднимается... Я хочу это видеть не краем глаза, а сидеть свернувшись набок уютно, и потому я перемещаюсь на ковёр, складываю ноги полулотосом, а руки... руки уже глядят твои колени, то поднимаясь выше, то спускаясь к щиколоткам. Твои руки тоже приходят в движение, встречаются с моими, пробегают по плечам к шее. Я тянусь им навстречу, и колени твои оказываются совсем рядом, я чувствую их запах, тепло, касаюсь их губами. Ты выдыхаешь воздух, я чувствую, как твои пальцы пробираются в волосы на моём затылке, как меняется ритм дыхания от быстрого, вызванного танцем, к более размеренному и волнующе-глубокому. Ты закрываешь глаза, приоткрываешь губы, и я слышу твоё дыхание, вновь теряя голову от него. «Сладкая» шепчу я и вновь утыкаюсь носом в твои колени. Они ослаблено расходятся в стороны, и я целую бархатно-нежную кожу внутренней стороны бедра. Твоё дыхание становится громче, я чувствую губами, как ты чуть заметно подрагиваешь от прикосновений. Ладони мои перемещаются на талию, потом ещё выше, ласкают грудь, и грудь поднимается уже не сама по себе, от дыхания, ты стремишься навстречу моим ладоням, твои полушария сами прижимаются к ним. Я отчётливо ощущаю, как им тесно даже под невесомой тканью, и я тоже хочу касаться тебя, твоей кожи, а не каких-то тряпок, пусть и красивых. Мы «дозреваем» одновременно, наши руки одновременно тянутся к мешающей ткани, и мешая друг другу, освобождают твою грудь от ненужного барьера...

Ладони мои тянутся к твоим грудям, охватывают их снизу, как бы поддерживая. Они, вообще-то, не нуждаются в поддержке, и без того задорно вздымают розовые носики сосков, но так приятно ощущать их в ладонях — тяжёлые, тёплые, мягко-упругие... Я охватываю их плотнее, чуть приподнимаю, большими пальцами глажу от ложбинки к соскам, осторожно сдавливаю. Твоё дыхание прерывается, я чувствую как в глубине, под мягким, женским, напрягаются мышцы. Ты мотаешь головой, раскрываешь рот и с низким грудным не то стоном, не то криком устремляешься вперёд, раздвигая в стороны мои руки. Я откидываюсь назад, не могу удержать равновесия и перекатываюсь дальше, на спину, а ты падаешь на меня. Я громко, как-то восторженно выдыхаю, чувствуя тебя всю, целиком в моих руках. Ты полностью опускаешься, расплываешься на мне, твои груди так мягко и так сладко прижимаются к моему лицу, что я просто тону в них, я не понимаю, как мы лежим, где чьи руки и ноги, у меня голова кружится в самом прямом смысле — вот уж чего никогда не было. Прямо возле уха я слышу твоё сердце, слышу дыхание не снаружи, а внутри тебя, чувствую тепло и что-то ещё, помимо тепла. Твой правый сосок оказывается возле моих губ, и я целую

его, обни-мая языком, ощупывая малейшие неровности. Ты снова стонешь, тем же глубоким голосом, от которого где-то в груди возникает горячая волна и хочется с каким-то диким боевым кли-чем схватить тебя и брать, брать раз за разом, незатейливо и ярко. Но твоя талия, такая тонкая после груди, ямочка над приспустившейся резинкой трусиков, твоя грудь под моими губами — требуют совсем иного обращения, и ярость каким-то странным образом превращается в нежность, такую же выплёскивающую через край, без рассудка и границ, и я целую тебя в грудь и шею, глажу руками, прижимаю к себе ещё плотнее, чем прижимает тяжесть твоего тела, оказавшаяся неожиданно лёгкой...

Макс К-113, 1998

р. s. Рассказ написан в соавторстве с некоей дамой (в виде отдельных писем «в пред-вкушении встречи») в сентябре 1998 года. Встреча имела место быть в начале октября, но совпадение с рассказом начисто заканчивается на эпизоде собственно встречи — встретив-шись (в точности как описано, вернее, по сути отыграв в реале «сценарий» рассказа) двинули просто гулять по городу. Остальное было в другой раз, но об этом рассказ пока не написан.